

А. П. ПАВЛОВ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ

(К вопросу о практической реализации указа
об опричнине 1565 г.)

Вопрос о влиянии опричнины на судьбы поместно-вотчинного землевладения трудно решить без предварительного выявления того, насколько последовательно претворялись в жизнь положения указа об ее учреждении. Ведь, согласно ему, все земские дворяне, не припавшие в число опричников, подлежали сплошному выселению из опричных уездов¹. В научный оборот введены десятки актов, содержащих известия о принудительных переселениях землевладельцев в годы опричнины. Но массовых источников, которые позволили бы определить масштабы этих переселений, в распоряжении исследователей нет. Новые возможности для изучения проблемы предоставляет ретроспективный анализ писцовых книг конца XVI в. и 20—30-х гг. XVII в. Эффективность этого метода состоит в том, что сведения о прежних владельцах поместий и вотчин писцы черпали, как правило, из предшествовавших писцовых приправочных книг, а не приводили все случайно известные им имена². Это обстоятельство позволяет восстановить содержание ранних не дошедших до нас писцовых книг, проследить изменения в составе дворянства того или иного уезда за определенный промежуток времени. Наибольший интерес для нашей темы представляют писцовые книги, относящиеся к опричным уездам. Их составители «для приправки» использовали материалы еще доопричных описаний. Таковыми являются писцовые книги Вяземского, Можайского и Малоярославского уездов³.

Писцы Вяземского у. 1594—1595 гг. для сравнения современного им состояния землевладения с прежним опирались на приправочные книги, относящиеся по всей вероятности, еще к концу 50-х гг. XVI в. В этом убеждает состав владельцев, упомянутых в книге 1594—1595 гг., среди которых встречаем ряд известных деятелей 50—60-х гг. XVI в. Здесь значится, в частности, имя окольничего Д. А. Чеботова, умершего еще в 1560/61 г.⁴ Около 100 имен прежних владельцев писцовой книги числится и в Дворовой тетради 1550-х гг. При этом, можно заметить, что в писцовой книге чаще упоминаются представители младших поколений феодалов, занесенных в Дворовую тетрадь. Это наводит на мысль, что писцовая приправочная книга Вяземского у. была составлена позднее 1551/52 г. (времени составления первоначального «ядра» Дворовой тетради). Датировку этой книги можно уточнить: среди владельцев значится боярин А. Д. Басманов, а боярский чин он получил только в 1555/56 г.; кн. М. П. Репнин упоминается без боярского чина, а им он был пожалован только в марте 1559 г.⁵ Следовательно, приправочная книга, использованная писцами 1594—1595 гг., датируется временем между 1555/56 и 1559 гг.

Весьма интересны с точки зрения ретроспективного изучения писцовые книги Можайского у. 1626—1627 гг. В годы Смуты этот уезд сильно запустел, лишь небольшую часть земельных угодий (всего 8%) составляли населенные

Павлов Андрей Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

поместья и вотчины. Описание пустующих («порозжих») владений писцы 1626—1627 гг. производили, пользуясь приправочными книгами письма и меры В. Ф. Загряжского и подьячего Д. Чечстова 1595—1598 гг.⁶ Отметим тщательность работы писцов с приправочной книгой, они указывали не только имена землевладельцев 1595—1598 гг., но даже имена их предшественников. При описании «порозжих» земель писцы особо выделяли как «новые», так и «старые» «пустоты» (т. е. земли, запустевшие еще до описания 1595—1598 гг.). Можайские книги дают редкую возможность выявить старейший слой феодалов уезда, которые владели поместьями и вотчинами до середины 90-х гг. XVI в. Всего обнаруживается около 750 имен таких землевладельцев. Многие из них, судя по разрядам и другим источникам, служили еще в 30—50-е гг., а кн. М. П. Репнин и Алексей Кобяков, насколько известно, умерли в 1540-х гг.⁷ Без боярского чина упомянуты кн. Д. Ф. Палецкий и кн. Ю. И. Токмаков; первый стал боярином в 1547 г., а второй — в 1549 г.⁸ Сведения обо всех этих владельцах в писцовой книге восходят, по всей видимости, к описанию Можайского у. 1542/43 г.⁹ Его материалы служили приправочными для писцов в 1595—1598 гг., а через их книги, ставшие в свою очередь приправочными, перешли и в книги 1626—1627 гг. По писцовым материалам, таким образом, Можайского у. прослеживается судьба землевладения на протяжении почти целого столетия.

На старые приправочные книги, очевидно, еще 40-х гг. XVI в., опирались и составители писцовой книги Малоярославецкого у. 1587/88 г. Они дают прямые ссылки на приправочные книги Степана Пильмова¹⁰. Известно, что С. Пильмов описывал в 1542/43 г. Верейский у.¹¹ Среди прежних владельцев в малоярославецкой писцовой книге значатся имена ряда доопричных десятелей, в том числе кн. В. И. Воротынского, умершего в 1552 г.¹²

Итак, писцовые книги Вяземского, Можайского и Малоярославецкого уездов позволяют не только выявить, но и сравнить состав землевладельцев как доопричного (40—50-е гг.), так и послеопричного (80—90-е гг.) XVI в. периодов.

Всего по вяземской писцовой книге конца XVI в. обнаружено свыше 400 имен прежних (доопричных) владельцев. Они упоминаются в рубриках «порозжих земли» как старые владельцы поселенных в 90-х гг. поместий¹³. Сравнение данных за 50-е и 90-е гг. показало весьма значительные перемены в составе землевладельцев Вяземского уезда, происшедшие во второй половине XVI в. Доопричные владельцы представлены в писцовой книге примерно 200 фамилиями, из которых только 56 (лишь немногим более четверти) проживали в уезде и в конце века. Во второй половине столетия отряд вяземских помещиков пополнился представителями 170 новых фамилий. Таким образом, менее чем за сорок лет состав землевладельцев уезда обновился примерно на три четверти! Ранний слой можайской писцовой книги (40-е гг. XVI в.) представлен примерно 415 фамилиями землевладельцев¹⁴. В конце века их — только 130 (32%). С другой стороны, в состав землевладельцев уезда вошли представители 115 новых фамилий. За вторую половину XVI в. основательно обновился и состав малоярославецких землевладельцев. Из 117 фамилий помещиков и вотчинников этого уезда в 40-х гг. к концу века на месте осталось только 17 (всего лишь 14,5%). Вместе с тем в 80-е гг. XVI в. здесь представлены 44 новые фамилии¹⁵. Можно наблюдать значительное сокращение общей численности землевладельцев всех трех уездов во второй половине столетия. Если в раннем слое можайской писцовой книги находим около 750 имен служилых людей, то в слое 90-х гг. — только 470. В Вязьме в середине века, согласно писцовым книгам, было около 430 помещиков, а в конце века — 350. Состав малоярославецких землевладельцев сократился за 40—80-е гг. с 200 до 145 человек. Столь существенные перемены в землевладении вряд ли могли произойти в обычное время, и уже сам по себе этот факт даст основание говорить о проведении в рассматриваемых районах целенаправленной крупномасштабной политики земельных переселений.

Можно ли утверждать, что отмеченные выше перемены были обусловлены прежде всего именно опричной политикой? Рассмотрим подробнее изменения персонального состава вяземских, можайских и малоярославецких землевладельцев за вторую половину XVI в. Анализ вяземской писцовой книги показывает, что к концу века земли в уезде утрачивают как раз представители земского дворянства (речь идет, разумеется, о лицах, служба которых устанавливается по источникам) — князя Голицыны, Гагарины, Гундоровы, Деевы, Катыревы Ростовские, Кашины, Лыковы, Репнины, Тростевские и Третьяковы-Головины, Шейны. Опричники же, как правило, остаются в уезде (Бельские, Волинские, Годуновы, Милуковы, Мятлевы, Наумовы, Плещесвы, Пушечниковы, Пушкины, Старые, Тургеневы, Хитрово, Черемисиновы)¹⁶, а также лица, упомянутые в «дворовом» списке 1573 г. и, возможно, служившие в опричнине (Безобразовы, Вырубовы и Скобельцины)¹⁷. Характерно, что в конце XVI в. среди новых землевладельцев Вяземского у. представлены преимущественно опричные фамилии: Борисовы-Бороздины, кн. Барятинские, Восйковы, Головленковы, Истдешевы, Ловчиковы, Овцыны, Полевы, Ртищевы, Сабуровы, Толстые, кн. Шуйские, а также «дворовые» и, возможно, опричники Татищевы и Фофановы; все эти фамилии отсутствуют в раннем слое вяземских землевладельцев¹⁸.

Сходная картина наблюдается и по Можайскому и Малоярославецкому уездам. Свои имения в опричном Можайском у. утратили земские дворяне — князя Голицыны, Елецкие, Мезецкие, Репнины, а также Головины и др. Есть и прямое свидетельство о конфискации можайской вотчины кн. И. И. Мезецкого «в опришнину»¹⁹. С другой стороны, земли в Можайском у. сохранили опричники Внуковы, Воейковы, Зюзины, Нагие, Плещесвы²⁰. Состав можайских землевладельцев пополнился к концу века представителями опричных фамилий — Блудовы, Измайловы, Пушкины, Черемисиновы, а также «дворовыми» и вероятно, опричниками — Осорьиными и Татищевыми. Раздача опричникам бывших имений земских дворян хорошо прослеживается по писцовой книге Малоярославецкого у. На землях выселенных из уезда местных помещиков и вотчинников испомещаются такие видные опричники, как кн. И. Ф. Гвоздев-Ростовский, кн. В. А. Борец Охлябинин, Н. И. Очин Плещеев, И. Д. и К. Д. Поливановы, кн. П. И. Хворостинин, дьяк У. Львов. Опричники получали в Малом Ярославце и вотчины. Так, крупная малоярославецкая вотчина перешла в качестве приданого от Малюты Скуратова его зятю Борису Годунову. Годунов купил также вотчину у детей опричника кн. Ю. С. Козловского, а прежде (до опричнины) эти земли были в поместье за местными дворянами Раевскими²¹. Свои владения в Малоярославецком у. потеряли представители земской элиты князя Воротынского, Ромодановские, Туренины и др. На местах же из старых землевладельцев остались лица, служившие в опричнине. Так, старым помещьем в уезде с «новыми дачами» владел в 1580-х гг. внук опричника Д. А. Бутурлина — В. Б. Бутурлин²².

Данные вяземских, можайских и малоярославецких писцовых книг свидетельствуют, таким образом, о весьма существенных изменениях в землевладении этих уездов во второй половине XVI в. Большая часть доопричных владельцев утратила здесь свои поместья и вотчины. Своих владений были лишены представители земского дворянства, а на местах оставались лица, служившие в опричнине. Каких-либо отклонений от этого правила не наблюдается. Состав землевладельцев рассматриваемых уездов активно пополнялся опричниками²³. Все это свидетельствует о последовательном выполнении программы, начертанной в указе об опричнине, и земские дворяне выселялись из опричных уездов едва ли не поголовно. Из писцовых книг ясна сама процедура перехода старых владений в руки опричников: сначала земли отписывались «во дворец», а затем уже раздавались новым помещикам. Так, в Вяземском у. взятое «в дворцовые волости» поместье З. Овинова получил опричник Г. П. Борисов²⁴. Материалы писцовых книг говорят о том, что в поместную раздачу опричникам шли быв-

шие поместья, а также вотчины. В Малоярославецком у. старая вотчина Василия и Ивана Безобразовых (Безобразовы, как мы видели, стали опричниками не сразу) перешла в поместье к опричнику К. Д. Поливанову; были розданы и малоярославецкие вотчины кн. А. М. Ромодановского²⁵. Около полудтора десятка случаев перехода старых вотчин в поместья к концу века зафиксировано в Можайских писцовых книгах²⁶.

Нет возможности столь же полно проследить изменения в землевладении по другим уездам, вошедшим в опричнину в 1565 г. Но несомненно, что в них происходили подобные же процессы. В писцовой книге Медынского у. 1586/87 г. сведения о прежних владельцах содержатся только под рубриками «порозжие земли»²⁷. Описание этих владений писцы 1586/87 г. производили, очевидно, по приправочным книгам доопричного периода²⁸. Сравнивая генеалогический состав владельцев прежних («порозжих») имений с составом дворянства уезда 80-х гг. XVI в., мы обнаруживаем, что из 42 фамилий старых (доопричных) помещиков и вотчинников к концу века в уезде осталось только 10. Из 29 фамилий детей боярских, записанных в Дворовой тетради под рубрикой «Литва дворовая. Медынь», в 80-х гг. в уезде упоминаются только 9 (Бокоевы, Жуковы, Здешковские, Кобылины, Острейковы, Плюского, Полтевы, Свитины, Татаровы). Среди помещиков Медынского у. 1586/87 г. — представители ряда видных опричных родов, которые ранее в уезде (по сохранившимся источникам) не встречались: кн. Хворостинины, кн. Щербатые, Поливановы, кн. Сицкие, Пушкины, Наумовы, Челищевы. Серьезные изменения в составе землевладельцев Суздальского у. наблюдаются по материалам, обработанным Н. К. Фоминым. За время опричнины, как показал исследователь, из числа суздальских землевладельцев выбыли представители 55 фамилий²⁹. И. К. Фомин делает, правда, вывод, что опричные переселения не нарушили в целом социальной структуры землевладения в уезде. Но это уже иная сторона вопроса. О земельных переселениях в опричном Галицком у. известно мало. Галицкие писцы, хотя и ссылаются постоянно на приправочные книги 1577/78 и 1580/81 гг.³⁰, но приводят сведения о старых владельцах лишь в единичных случаях. Представляет интерес сообщение галицкой писцовой книги о пожаловании в 1615/16 г. боярина Б. И. Морозова обширными вотчинами в разных станах уезда (всего 1181 четв. земли), принадлежавшими ранее его «деду», боярину М. Я. Морозову, а после бывших «в раздаче за разными помещиками»³¹. Вероятнее всего, вотчина была конфискована у М. Я. Морозова при взятии Галича в опричнину, а не в результате опалы и казни боярина в 70-х гг.: Б. И. Морозову в XVII в. было бы труднее выхлопотать «опальную» вотчину. В уезде были также и представители опричных фамилий. Среди прежних помещиков в галицких писцовых книгах упоминается, например, сын опричника кн. Н. Р. Одоевского — кн. М. Н. Одоевский³². О выселениях из уезда местных земских дворян говорит такой факт. В середине XVI в. по Галичу служили в тысячниках и дворовых 12 представителей Зачесломских. Во время опричнины Зачесломские потеряли галицкие владения и были испомещены в земских Коломенском, Каширском, Рязанском и Дмитровском уездах³³. Согласно обнаруженным В. Д. Назаровым документам, активное испомещение опричников происходило в Вологодском у.³⁴ В Клинском у. (среди территорий, взятых в опричнину в 1565 г., упоминается «круг Клинской») были конфискованы вотчины Витовтовых для раздачи в поместья³⁵. Любопытно сообщение коломенской писцовой книги 1577/78 г. о выселении В. З. Васильчикова из его старинной вотчины в Хотунской вол. Московского у. (была взята в опричнину при ее учреждении) и пожаловании ему взамен вотчины в соседнем земском Коломенском уезде³⁶. Земельные переселения можно наблюдать и по опричному Вышегородскому у. В марте 1566 г. Ф. Г. Желтухин получил вотчины в земских Московских волостях «против его вышегородские вотчины»³⁷. Одновременно в Вышгороде испомещались опричники. Так, в качестве прежних владельцев в писцовой книге Верейского у. 1628/29 г. по Вышегородскому стану упоминаются имена известных оприч-

ников — дьяка Осипа Ильина, кн. П. И. Барятинского, а также И. Т. Большого и И. Т. Меньшого Мясоедовых⁴⁰. Последние в 1530-х гг. служили по Кашире, а в 1577 г. значатся уже по Верее (в состав которой входил Вышгород); их имена отсутствуют в каширской писцовой книге 1577—1579 гг. и каширской десяте 1599 г.⁴¹ По всей видимости, перевод Мясоедовых из земской Каширы в Вышгород состоялся в годы опричнины в связи с их зачислением на опричную службу. Сохранилось известие о пожаловании в 1565/66 г. в опричном Перемышльском у. опричной Шаровкиной пустоши земель, которые еще в писцовых книгах 1563/64 г., т. е. в самый канун опричнины, числились во владении помещиков⁴². Очевидно, с переходом Перемышля в «государев удел» в 1565 г. эти помещики были выселены из своих имений. Примечательным является то обстоятельство, что взятые в опричину два жеребья Перемышля незадолго перед тем находились в удельном держании князей Воротыльских. Не случайно был включен в опричнину и Лихвин, бывший в канун ее учреждения во владении князей Данилы (Семеновича) и Никиты (Романовича) Одоевских⁴³. Кн. Н. Р. Одоевский, хотя и служил в опричнине, но вошел в нее не сразу. Очевидно, с «поиманием» Лихвина в «государев удел» кн. Одоевские утратили на него свои владельческие права.

Приведенные выше данные позволяют говорить, что указ об опричнине отнюдь не остался на бумаге, и его предписания активно проводились в жизнь. Мы рассмотрели материалы по уездам, бывшим в опричнине с начала ее существования. Интересно, в какой мере программа выполнялась на поздних этапах опричнины, в уездах, ставших опричными после 1565 г.? Обратимся к Костромскому и Ярославскому уездам.

Думается, нет оснований сомневаться в выводе П. А. Садикова о зачислении Костромы в опричнину в 1567 г. Актовый материал содержит множество известий о переселениях в годы опричнины старинных костромских вотчинников в земские уезды⁴⁴. Причем мы встречаем и прямые указания на конфискацию вотчин «в опричнину», «с городом вместе, а не в опале»⁴⁵. Конфискованные вотчины нередко поступали в поместную раздачу⁴⁶. Выселялись из опричной Костромы не только вотчинники, но и помещики. В 1566/67 г. в поместья «костромичам» (дворянам, выселенным из Костромского у.) были розданы черные волости во Владимирском и Кашинском уездах⁴⁷. А. А. Зимин обратил внимание на интересные данные смоленской десятины 1574 г., где среди лиц, испомещенных в Смоленске, значатся имена 36 костромичей, переселенных туда, очевидно, в годы опричнины⁴⁸.

Общие масштабы земельных выселений из Костромского у. в опричный период проясняются из сравнительного изучения материалов костромских писцовых книг, актов и других источников. Писцовые книги по Костроме достаточно полно характеризуют состав землевладельцев уезда 90-х гг. XVI в. Сохранилась платежница с писцовых книг Луговой половины уезда письма и меры кн. Ф. Кривоборского 1595—1597 гг.⁴⁹ Имена владельцев конца XVI в. по другой части уезда — Нагорной половине — хорошо выявляются по писцовым книгам 1627—1630 гг., составители которых при указании на прежних помещиков и вотчинников использовали писцовые приправочные книги письма В. А. Вельяминова 1595—1597 гг.⁵⁰ Столь же полных сведений о владельцах уезда до 1595—1597 гг. сохранившиеся писцовые книги не дают. Лишь единичные упоминания содержатся в платежнице 1595—1597 гг. В книгах Нагорной половины 1620-х гг. есть, правда, особые рубрики — «старые порозжие земли», т. е. земли, которые считались пустыми еще в писцовых приправочных книгах 1595—1597 гг. Всего под этими рубриками упомянуто свыше сотни имен (представителей 75 фамилий) старинных, очевидно, еще доопричных владельцев уезда⁵¹. Привлекая в дополнение к этому также свидетельства актов⁵², межевых книг Троице-Сергиева монастыря 1556—1557 и 1558—1559 гг.⁵³, Тысячной книги, Дворовой тетради и некоторых других документов⁵⁴, мы смогли выявить 262 фамилии старинных костромских дворян, имевших земли в Костроме до ее вхождения в опричнину в 1567 г.⁵⁵

Большая часть этих фамилий (147) уже не встречается в уезде в конце XVI в. Можно полагать, что реальный размах опричных переселений был еще более значительным, поскольку определенной части костромских дворян (например, Писемским, Зубатым Федчишевым, Михалковым) удалось после отмены опричнины вернуться в свой уезд. Ряд детей боярских — костромичей (Ольговы, Путиловы, Туровы, Тетерины, Тыртовы, Сотницкие, Бестужевы) попал в опалу и был выслан в Казань еще в 1565 г.⁵⁴ Но массовые выселения из уезда были несомненно связаны с переходом Костромы в опричнину. Своих владений здесь к концу века лишились земские дворяне князья Деевы, Мезецкие и др.⁵⁵ С другой стороны, земли в уезде сохранили представители опричных фамилий — кн. Волконские, кн. Вяземские, Годуновы, Дмитриевы, кн. Друцкие, Истляевы, кн. Козловские, Мятлевы, Овцыны, Полевы, Пушкицы, кн. Хворостинины⁵⁶. Опричнина нанесла серьезный удар по вотчинному землевладению в Костромском уезде. Десятки доопричных вотчинных фамилий в конце XVI в. уже не встречаются здесь. Даже лицам, возвратившимся назад в свой уезд после опричнины, далеко не всегда удавалось получить старые вотчины в полном объеме. Так, еще в 1596—1597 гг. бывшая вотчина П. Федчищева находилась в поместье за А. Р. Лихаревым⁵⁷, хотя Федчишевым-Зубатым и удалось вернуть себе после отмены опричнины часть старинных вотчин. Выселенные в годы опричнины из своих вотчин Вельяминовы, Есиновы, Ратковы и Шастинские в конце XVI в. числятся в уезде только как помещики. Немало бывших вотчинных владений в 90-х гг. пустовало (значатся в писцовых книгах в «старых порозжих землях»).

Таким образом, землевладение Костромского у. подверглось весьма значительным переменам во второй половине XVI в., и особенно в годы опричнины.

Относительно пребывания в опричнине Ярославского у. нет полной ясности. С. Ф. Платонов, Л. М. Сухотин, П. А. Садиков и С. Б. Веселовский по-разному датировали время перехода Ярославля в «государев уезд». Но, как убедительно показал В. Б. Кобрин, до 1567—1569 гг. Ярославль не был опричным. А. А. Зимин и В. Б. Кобрин справедливо указали также, что производившиеся в 1565 г. «отписки» княжеских вотчин и ссылка ярославских дворян «на житие» в Казань не имели отношения к вхождению Ярославля в опричнину. По мнению А. А. Зимина, Ярославль в опричнину взят не был, дело ограничилось выселением оттуда в 1565 г. группы оригинальных «княжат» и детей боярских⁵⁸. Исследователь не рассмотрел, однако, возможности перехода уезда в опричнину после 1567—1569 гг. Между тем именно вскоре после описания Ярославского у. 1567—1569 гг., как свидетельствуют источники, и происходит распространение опричных порядков на его территорию. В 7077 (1568/69) г. были «пойманы» «в опричнину» и пошли в поместную раздачу ярославские вотчины Долгово Сабуровых, а сами они были высланы «из Ярославля вои». После 1572 г., «как государь опричнину отставил», царь Иван «пожаловал» Сабуровых, «опять в Ярославль велел пустити», но вотчины им возвращены не были, и они получили назад только поместья, среди которых было село Гавшинское с деревнями. Но поводу этого сельца у них и возник в начале XVII в. спор с кн. И. А. Солнцевым Засекиным. Князь утверждал, что эта его «старинная прародительская вотчина» была у Засекиных «взята в опричнину при царе Иване и отдана в поместье ярославицу сыну боярскому Ивану Андрееву сыну Долгово Сабурову». Это могло произойти до 1569 г., так как в этом году Долгово Сабуровы были выселены из Ярославля. И. А. Сабуров писал в своей челобитной царю Владиславу в декабре 1610 г., что он «служит с того поместейца (сельца Гавшинского) сорок пять лет», т. е. получил его после Засекиных около 1565/66 г.⁵⁹ Тогда же, в 1565 г., происходила «отписка» вотчин Засекиных и других ярославских князей и ссылка их в Казань. Итак, можно наблюдать два этапа переселений ярославских землевладельцев в годы опричнины. Первый был связан с опалами и казанской ссылкой 1565 г., а второй — с вхождением Ярославля в опричнину около 1569 г.

И после Смуты вотчины Долгово Сабуровых оставались во владении разных

помещиков. Так, по писцовой книге 1627—1629 гг., в поместье за Е. Я. Пикиным находилась бывшая вотчина К. Ф. Сабурова, которая, как известно, была конфискована еще в 1569 г.⁶⁰ Ярославские писцы 20-х гг. XVII в., использовавшие в качестве приправочных книги 1567—1569 гг., зафиксировали и другие случаи перехода старых вотчин конца 60-х гг. XVI в. в поместья: за разными помещиками в 20-х гг. XVII в. пахотились прежние вотчины М. И. Рудина, кн. А. Шаховского, дьяка Путилы Михайлова (служил в годы опричнины в земском Поместном приказе), Г. Караулова, Х. Чирикова, вдовы Парасковьи — жены Тимофея Захряпина⁶¹. Реально число подобных случаев было несомненно большим, так как ко времени описания 1627—1629 гг. значительная часть материалов писцовых приправочных книг была уже утрачена, и из них писцы XVII в. могли привлечь «для приправки» лишь данные по нескольким волостям Приволжской (Московской) половины уезда. После 1569 г. земельные и служебные связи с уездом потерял ряд видных дворян — кн. И. Д. Бабичев, З. А. Бестужев, Б. Н. Верещагин, Д. Г. Пильемов, М. М. Товарищев и Ф. М. Туров. Эти лица упомянуты в ярославских писцовых книгах 1567—1569 гг., а в конце XVI — начале XVII в. они и их дети служили выборными дворянами уже по Владимиру, Нижнему Новгороду, Боровску и Зубцову⁶². Никого из представителей этих фамилий (кроме Верещагиных) мы не встречаем в Ярославском у. в 20-х гг. XVII в.

Общие суждения о переменах, происшедших в составе землевладельцев Ярославского у. после 1569 г., можно сделать, сравнив сохранившиеся (правда, не полностью) материалы письма 1567—1569 гг. с данными писцовых книг 20-х гг. XVII в.⁶³ Всего по книгам 1567—1569 гг. выявляется около 850 имен помещиков и вотчинников, представителей 225 фамилий. Большая часть этих фамилий (135) в 20-х гг. XVII в. уже не встречается в уезде. Своих владений лишились земские дворяне Зачесломские, Колединские, Пильемовы, кн. Пожарские, Романовы-Юрьевы и др. В книгах 1567—1569 гг. мы видим немало имен казанских ссыльных, возвращенных после 1566 г. на московскую службу и помещенных в земском тогда Ярославском уезде кн. С. Б. Пожарский, кн. И. Д. Бабичев, К. В. Ольгов, И. С. Путилов, Ф. М. и В. М. Туровы, Я. Н. Кашкаров, В. З. Тыртов, И. П. и Т. Я. Согницкие, М. О. Рогатого Бестужев, П. В. Дуров, М. М. и И. М. Товарищевы, З. А. Бестужев и «казанский жилец» Д. И. Аминев⁶⁴. После перехода Ярославля в опричнину эти ненадежные с точки зрения правительства люди были выселены — их фамилий уже нет в уезде в XVII в. В то же время представители опричных фамилий (Пивовы, Бирдюкины-Зайцевы, кн. Вяземские, Малыгины, Салтыковы, Татищевы, Толмачевы) продолжали владеть землями в уезде. Сохранили свои вотчины после 1569 г. опричники И. Ф. и В. Ф. Воронцовы — в XVII в. их вотчиной владел зять В. Ф. Воронцова, кн. Д. Т. Трубецкой⁶⁵. Опричнина, кажется, не затронула ярославских владений земского боярина кн. И. Ф. Мстиславского (на Ярославщине за ним находились Юхотская волость и вотчины в других частях уезда)⁶⁶. Это объясняется, очевидно, особым положением Юхотского удела в составе Ярославской земли и особым положением при дворе самих Мстиславских, царских родственников. К концу века сохранил крупные отцовские вотчины в уезде и другой царский родственник — кн. И. М. Глинский⁶⁷. Он входил в 70-х гг. в состав особого «двора» и, возможно, в опричнину⁶⁸.

Серьезный урон понесло в годы опричнины родовое землевладение князей Ярославского дома. Еще до вхождения Ярославля в опричнину, в 1565 г. вотчины местных «княжат» были отписаны на государя, а многие из них угодили в ссылку в Казань. Среди казанских ссыльных мы видим князей Троекуровых, Оленкиных, Сицких, Ушатых, Моложских, Щетининых и Засекиных. Но вряд ли следует переоценить влияние казанской ссылки на судьбы вотчин ярославских князей. Ссылка продолжалась недолго, и через год, в 1566 г., последовал царский указ об амнистии и возвращении опальных, часть которых вернулась опять в свои старые имения. Рассматривая дальнейшую историю княжеского землевладения в Ярославле, можно отметить один весьма показательный факт —

к концу XVI в. лишь кн. Сицким удалось сохранить родовые вотчины в уезде⁶⁹, в то время как кн. Троскуровы, Ушатые, Прозоровские и Засекины добивались возвращения своих вотчин еще в годы Смуты и в послесмутное время⁷⁰. Это можно объяснить лишь тем, что Сицкие служили в опричнине, а Троекуровы, Ушатые, Прозоровские и большинство Засекиных — нет. Можно полагать, что с переходом Ярославля в опричнину в 1569 г. местные князья, не принятые в «государев удел», подверглись новому (вторичному после 1565 г.) выселению из уезда. Вероятно, с вхождением Ярославля в опричнину, а не с оналами 1565 г. была связана конфискация ярославской вотчины у кн. Д. И. Засекина — в документе (грамота 1576 г.) прямо говорится о взятии его вотчины «з городом Ярославлем вместе»⁷¹, а среди казанских ссыльных (во всяком случае, в сохранившихся источниках) он не упоминается⁷². С. М. Каштанов и А. А. Зимин допускали и такую возможность — вотчина Д. Засекина могла быть взята «з городом вместе» в связи с включением Ярославля в «двор» в 1575/76 г.⁷³ Но факт вхождения Ярославского у. в состав послеопричного «двора» (по крайней мере в середине 70-х гг.) является не бесспорным⁷⁴ и, кроме того, известно, что Д. И. Засекин распоряжался своими владимирскими вотчинами, пожалованными ему взмен ярославских и переславских, еще в 1573/74 г.⁷⁵ В коломенской писцовой книге 1577/78 г. есть сообщение о пожаловании вдове кн. И. В. Засекина, княгини Дарье, вотчины в Коломне, «что ей дано против мужа ее, что было после мужа ее за сыном ее, за князем Иваном, ярославские вотчины...»⁷⁶. Кн. И. И. Володимиров Засекин (ее сын) в числе прочих «княжат» был сослан в 1565 г. в Казань⁷⁷. Старые вотчины и поместья у него были конфискованы, и он получил взамен поместье в Казанском крае. Очевидно, после амнистии 1566 г. ему (или его матери) удалось вернуть ярославскую вотчину назад — иначе трудно понять, как княгиня Дарья смогла получить компенсацию в Коломенском у. Переселение ее из Ярославля в Коломну произошло, таким образом, после 1566 г., скорее всего в связи с зачислением Ярославского у. в опричнину.

Материалы по Костромскому и Ярославскому уездам свидетельствуют, таким образом, о том, что и на поздних этапах опричнины земельные переселения в опричных районах имели внушительные размеры и что предписания опричного указа 1565 г. и в это время довольно последовательно претворялись на практике.

Политика земельных переселений послеопричного «двора» 70-х — начала 80-х гг., как показал В. И. Корецкий, в общих чертах была сходной с опричной: и в этот период земские дворяне, не принятые в «удел», подвергались выселениям из «дворовых» уездов, а на этих территориях испомещались «дворовые»⁷⁸. Некоторое представление об общих масштабах земельных перемещений в «дворовых» уездах в 1570-х гг. можно получить при анализе материалов описания юго-западной части («князь Дмитриевы стороны Ивановича») Ржевского у. 1588—1589 гг.⁷⁹ В 70-х гг. весь уезд был включен в состав территории «двора», по в опричнину он входил не целиком. Интересующая нас часть уезда в опричнину не попала⁸⁰, поэтому данные по ней показательны для изучения земельной политики собственного периода «двора». Писцы 1588—1589 гг. при указании на прежних владельцев использовали приправочные книги, очевидно, еще доопричного времени⁸¹. Всего по писцовой книге выявляется около 65 фамилий прежних землевладельцев. Большая часть из них (38) уже не встречается в составе владельцев 80-х гг. XVI в.⁸² Писцы 1588—1589 г., правда, не всегда указывали старых помещиков, так что материал для сравнения не совсем полный. Но и он позволяет говорить о существенных переменах в составе ржевского дворянства в связи с политикой «дворовых» переселений. Своих владений лишились представители земского дворянства — кн. Гундоровы, Исленьевы (бывшие опричники, которые не были взяты во «двор»), кн. Пожарские и др. Поместья сохраняли, как правило, лица, связанные с «двором», — Благие, Головленковы, Ельчаниновы, Осорбины, Пушкины. Состав землевладельцев рассматриваемого района пополнился к концу XVI в. несколькими десятками новых фамилий, среди

которых встречаем немало известных «дворовых»: Безобразовы, Болкошины, Вахромеевы, Жеребцовы, Колычевы, Култашевы, Литвиновы, Нагие, Татищевы, Хлоповы. Новые лица испомещались, однако, как можно видеть по материалам писцовой книги, не столько за счет старых помещиков, сколько за счет черных и дворцовых земель.

Земельные переселения совершались и в других «дворовых» уездах. Но можно полагать, что послеопричные «переборы людийшек» уступали по масштабам опричным и не всегда сопровождалась тотальными выселениями земских дворян. Данные по Старицкому, Дмитровскому и Ростовскому уездам свидетельствуют о том, что и после вхождения этих уездов в состав «удела» в 70-х гг. здесь сохранялись вотчины земских дворян, которые свободно ими распоряжались, отдавая в монастыри и пр. Кроме того, в уездах, взятых во «двор», служили, по-видимому, одновременно по разным спискам «дворовые» и земские дворяне⁸³. С другой стороны, в земских уездах поместьями владели иногда «дворовые» деятели⁸⁴.

Как и в годы опричнины, в 70-х — начале 80-х гг. «государев удел» пополнялся новыми территориями. Вероятно, в начале 80-х гг. в состав «двора» был включен Ярославский у.⁸⁵ Между 1577 и 1581 гг. из земщины во «двор» были переведены несколько Акинфовых, испомещенных во Владимирском у. (Боголюбове ст.) и в Юрьеве Польском⁸⁶. Возможно, к 1581 г. часть Владимирского и Юрьевский уезды вошли в состав «удела». В 1579/80 г. во «двор» были взяты Суздальский у. вместе со Стародубом Рязановским. Приказным людям «дворового» Стародуба царский указ 1580 г. предписывал: «Стародубским князьям за их вотчины деньги давати из наших казны (такая практика не была характерна для опричнины.— А. П.), а их вотчины вслено в поместья роздавати»⁸⁷. Надо сказать, что царское распоряжение было весьма последовательно выполнено на практике. Стародубские писцы 1628—1630 гг., которые использовали приправочные книги 1574/75 г. (т. е. сведения о прежних владельцах в книгах 1628—1630 гг. восходят ко времени еще до включения Стародуба во «двор» в 1579/80 г.), зафиксировали, что значительная часть (примерно половина) помещиков в 20-х гг. XVII в. владели бывшими вотчинами князей Стародубского дома⁸⁸.

Земельные перетасовки затрагивали не только опричные и «дворовые», но и земские уезды. На территории земщины получали вотчины и поместья лица, высланные из опричных районов. По актам, писцовым книгам и другим источникам можно привести многие десятки подобных примеров. Дворяне же, зачисленные в опричнину, лишались своих поместий в земщине и испомещались в опричных уездах. Писцовые книги земского Рузского у. 1567—1569 гг. сообщают о запустении поместий Григория Белеутова и Василия Титова, потому что «Григорей в уделе», а «Василей в опричнине»; запустошил свое поместье взятый в опричнину Андрей Унковский; поместье зачисленного в опричнину и испомещенного, очевидно, в опричных уездах И. И. Унковского в писцовой книге значится за его сыном⁸⁹. Из известных нам опричников поместьями в Рузе в 1567—1569 гг. владели лишь кн. Д. М. и О. М. Шербатые⁹⁰. Но они были пожалованы в опричнину не сразу (к сентябрю 1567 г.). Впоследствии они, очевидно, были «выведены» из уезда — в рузской писцовой книге 1625—1627 гг. их поместья упомянуты как «порозжие»⁹¹, никто из Шербатых в 20-х гг. XVII в. землями в Рузском у. так и не владел. Как видим, правительство довольно последовательно проводило политику переселений опричников из земских уездов в опричные города для обеспечения их службы «с одново»⁹². Так же действовало оно (хотя и не столь строго) и в период послеопричного «двора»⁹³. Опричники, правда, обладали перед земскими тем преимуществом, что могли иметь в земских уездах вотчины. В Рузе вотчинами благополучно владели опричники Г. Д. Ловчиков, В. П. Яковля, Я. Ф. Волинский, кн. Ю. И. Токмаков, Д. Б. Салтыков, А. М. Пушкин⁹⁴. Крупные вотчины имели в 1567—1569 гг. в земском тогда Ярославле опричники И. Ф. и В. Ф. Воронцовы. Опричник и «дворовый» И. Г. Нагой сохранил за собой в земском Тверском у. к концу XVI в. старую отцовскую вотчину, однако его ста-

рое отцовское поместье 40-х гг. перешло к 1593/94 г. во владение к другому лицу⁹⁵.

Выселения из земских уездов в целом, очевидно, уступали по масштабам выселениям из опричных территорий. Так, сравнение каширской десятины 1556 г. с материалами каширской десятины 1599 г. и писцовой книги 1578—1579 гг.⁹⁶ показывает, что фамильный состав дворянства этого уезда за 60—70-е гг. изменился менее чем на 30% (из 172 фамилий детей боярских 50-х гг. XVI в. в послеопричный период мы не встречаем только 50). Характерно, что связи с Каширой утрачивают опричники кн. Хворостинины, Васильчиковы и «дворовые» Капчевы. Уже упоминалось выше об испомещении в опричном Вышгороде каширских детей боярских Мясоедовых.

Существенно повлияли на состав землевладельцев в земщине массовые переселения лиц, высланных из опричных уездов. С. И. Сметанина на материалах рязанских писцовых книг пришла к интересному выводу о сокращении в результате мероприятий опричного правительства вотчинного землевладения в уезде более чем вдвое; конфискованные вотчины шли в раздачу помещикам⁹⁷. По другим земским уездам столь явная антивотчинная политика не прослеживается. Материалы коломенской писцовой книги 1577/78 г. свидетельствуют, что вновь испомещенные в Коломне лица получали здесь владения, как правило, не за счет старых вотчин, а из прежних поместий и дворцовых сел. Преимущественно на бывших поместных и дворцовых землях поселялись в уезде вотчинники, получившие компенсации за взятые у них вотчины в опричных областях⁹⁸. Здесь иная картина, чем в Рязани — чаще поместья переходят в вотчины, а не наоборот. Случаев перехода старых вотчин в поместья по коломенским книгам встречается немного, хотя писцы постоянно указывали прежних владельцев. Известно об испомещениях в бывших вотчинах В. II и С. В. Яковлей, Б. Собакина, кн. И. А. Лапина-Оболенского, Н. В. Шереметева⁹⁹. Но эти немногочисленные факты вряд ли можно связывать с сознательной антивотчинной политикой в уезде¹⁰⁰.

Для общего представления о масштабах земельных переселений в периоды опричнины и послеопричного правления Грозного по стране в целом сравним данные Тысячной книги и Дворовой тетради о территориальной принадлежности членов государева двора в доопричное время с материалами боярских списков конца XVI — начала XVII в., где наиболее многочисленная группа двора — выборные дворяне — также расписана по уездам. Всего выявляются имена 153 лиц, которые значатся одновременно в Тысячной книге и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. и в послеопричных списках двора 1577—1604 гг. как выборные дворяне¹⁰¹. Большая их часть — 91 человек (выделены звездочкой) служила в конце XVI в. уже по другим городам. Если мы возьмем в расчет также и детей дворцовых 50-х гг., которые служили в конце XVI — начале XVII в. в выборных дворянах, то получим следующую картину: из 500 с лишним тысячников и дворовых и их сыновей только 215 (меньше половины) сохранили к концу XVI в. связи со своими городами. Подчеркнем, что реже сохраняли связи со своими уездами дворяне опричных и «дворовых», нежели земских районов. Переселения определялись различными обстоятельствами, но главными факторами, влиявшими на земельную мобилизацию во второй половине XVI в., были несомненно опричные и послеопричные «переборы людийск».

Чтобы оценить приведенные выше сведения о размахе земельных переселений во второй половине XVI в., необходимо хотя бы приблизительно знать масштабы служебно-территориальных передвижений дворянства в более раннее и позднее время. Имеющиеся в Дворовой тетради пометы (документ был действующим на протяжении десяти лет, с 1552 по начало 60-х гг.) о переездах дворовых из одних уездных корпораций в другие, показывают, что число таких помет (принимая даже во внимание неполноту их передачи в сохранившихся списках памятника) в целом невелико — всего лишь сотня с лишним на 3000 записанных в источнике лиц. Немногочисленны факты территориальных пере-

мещений выборных дворян в конце XVI - начале XVII в. При сравнении боярского списка 1588/89 г. со списком 1602/03 г. и росписью русского войска 1604 г. обнаруживается, что примерно лишь в 30 случаях (на 680 выборных дворян в списке 1588/89 г.) изменились места службы и землевладения выборных и их сыновей. Массовых перемещений выборных дворян мы не наблюдаем даже за годы Смуты. В боярском списке 1626 г.¹⁰² находим около 150 имен выборных 1588/89—1604 гг. и их сыновей. Из них примерно лишь десятая часть сменила за первую треть XVII в. географию службы. Подсчеты эти, правда, приблизительные (имена отцов пришлось нередко из-за отсутствия родословных росписей определять лишь по отчествам), но это не меняет общей картины. Следует сделать еще одну оговорку; факт прочной привязанности дворянства к своим уездам еще не означал отсутствия существенных изменений в землевладении. Вследствие значительного запустения ряда уездов в Смуту и прочих причин многие дворяне получали поместья и вотчины на территориях других уездов. Но при этом они не растворялись в среде местного дворянства и сохраняли в XVII в. старые служилые связи. Иными были последствия опричнины, массовые земельные переселения дворянства сопровождались и массовыми изменениями мест их службы. Смута далеко не всегда вела к коренным переменам в составе уездного дворянства. В уездах, не сильно пострадавших от «разорения» в начале XVII в., основная часть землевладельцев продолжала оставаться на своих местах. Так, при сравнении состава костромского дворянства конца XVI в. и 20-30-х гг. XVII в. по писцовым книгам¹⁰³ выясняется, что почти три четверти фамилий служилых людей, имевших земли в уезде в 1595—1597 гг., остались здесь и в XVII в. А материалы писцовых книг Нижегородского у. 1621—1623 гг., в которых имена прежних владельцев указаны по приправочным книгам письма и дозора В. Борисова 1587/88 г., свидетельствуют об изменении фамильного состава землевладельцев этого уезда с 1587/88 г. по начало 20-х гг. XVII в. даже менее, чем на четверть¹⁰⁴. При сопоставлении коломенских писцовых книг 1577/78 и 1627/1628 гг.¹⁰⁵ обнаруживается, что большая часть служилых фамилий сохранила за 50 лет связь со своим уездом (из 220 фамилий 70-х гг. XVI в./130 встречается и в 1627—1628 гг.). Вместе с тем за период вдвое меньший — с середины XVI в. по 1577/78 г., как показывают ретроспективное изучение писцовой книги 1577/78 г. (ее составители использовали, судя по упомянутым именам ряда доопричных деятелей, приправочные книги еще доопричного периода, вероятнее всего — материалы письма кн. Ю. Мещерского 1552—1554 гг.), генеалогический состав дворянства Коломенского у. обновился более чем наполовину (из 235 фамилий прежних владельцев к 1570-м гг. в уезде осталось лишь около 100).

По масштабам земельной мобилизации опричнина была, пожалуй, крупнейшим мероприятием в истории Московского государства, а по последовательности проведения политики переселений она может быть сравнима лишь с «выводами» из Новгорода местных землевладельцев при Иване III. Известны, правда, факты возвращения после опричнины вотчин и поместий их владельцам. Но это не могло существенно повлиять на общие результаты опричных земельных перетасовок. Многие дворяне получили компенсации за конфискованные вотчины в других уездах и тем самым утратили права на возврат этих имений. Процесс возвращения вотчин растянулся на многие десятилетия. Не надеясь на царскую милость (возврат вотчин законным путем), служилые люди после Смуты самовольно, явочным порядком вселялись в свои прежние доопричные вотчины, оставленные их новыми владельцами вследствие разорения в Смутное время. Они рассчитывали записать впоследствии эти земли за собой в писцовые книги и таким образом вновь утвердиться на них. Такие случаи, вероятно, были весьма распространены, поскольку они специально оговаривались (разумеется, не в пользу этих вотчинников) в проекте валового наказа писцам, составленного в 1682—1683 гг.¹⁰⁶, т. е. сто с лишним лет после опричнины. Московское правительство и спустя многие годы после смерти Грозного признавало закон-

ность опричной политики земельных переселений и отнюдь не стремилось к пересмотру ее результатов.

Опричина оказала глубокое воздействие на судьбы русского дворянства. Значительная часть (вероятно, не менее половины) помещиков и вотчинников сменила в последней трети XVI в. географию землевладения, что серьезно нарушило традиционные земельные связи служилых людей. Важные перемены произошли в этот период в среде господствующего класса. Под влиянием опричных переселений была разрушена прежняя территориальная структура государева двора. Именно в это время утверждается новый чиновный принцип членения дворян. Земельные перетасовки опричнины и послеопричного «двора» нанесли ощутимый удар по вотчинному землевладению. Хотя в послеопричный период и происходил процесс возвращения вотчин их прежним владельцам, но эти возвращения рассматривались как «государево жалование», т. е. целиком зависели от воли царя. В целом опричина привела к существенной трансформации дворянского сословия, поставив его в еще большую зависимость от монархии.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 395.
- ² Подробнее см.: Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старинного у. 1624—1626 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1985. С. 103—109.
- ³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619, 10815, 10816, 539; Писцовые книги Московского государства XVI в. (далее — ПКМГ). СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 567—831.
- ⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 256; З и м и н А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 65.
- ⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 238 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 749, 753; З и м и н А. А. Указ. соч. С. 69.
- ⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 14 об., 32 об. и др.
- ⁷ Там же. Л. 960 об., 982; кн. 10815. Л. 992. См.: З и м и н А. А. Указ. соч. С. 58; Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 52.
- ⁸ З и м и н А. А. Указ. соч. С. 60, 61.
- ⁹ См.: ЦГАДА. Ф. 281. № 7611, 7612, 7613.
- ¹⁰ Там же. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 6, 425.
- ¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 423.
- ¹² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 413; З и м и н А. А. Указ. соч. С. 63.
- ¹³ Выделяется еще и «промежуточный» слой землевладельцев из такого рода записей: «За Корнилом Андреевым сыном Гарбеева (помещик 1594—1595 гг.), что было за Замытнею Митковым, а прежде того было за Иваном Ивановичем Годуновым...» (Кн. 619. Л. 455 об.). Здесь ранний (доопричный) слой владельцев представлен И. И. Годуновым, а «промежуточный» — З. Митковым (неизвестно точно, когда он владел поместьем). Имена владельцев этого «промежуточного» слоя мы не включаем в подсчеты.
- ¹⁴ Значительную часть землевладельцев уезда составляли рядовые дворцовые служители (ястребники, кречетники и пр.). Иногда трудно различить фамилии и отчества этих лиц. Поэтому оговоримся, что в наших расчетах есть известная доля приблизительности.
- ¹⁵ В подсчеты не включаются фамилии служилых татар, помещиков уезда конца XVI в.
- ¹⁶ О составе опричного двора см.: К о б р и н В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.
- ¹⁷ О списке служилых людей 1573 г. и его связи с «двором» и опричниной см.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. Кн. IV. М., 1949. С. 3—71; Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 140. Интересно, что Безобразовы первоначально были высланы из уезда, но затем в связи с зачислением в состав опричников и «дворовых» они были возвращены на свои места. Это видно из такого рода записей: «За Андреем Васильевым сыном Безобразова [помещье] что было в дворцовых волостях, а прежде того было за ним же...», «За Иваном Игнатьевым сыном Безобразова, что было приписано к дворцовым селам, а прежде того было в поместье за Микифором Васильевым сыном Безобразова» (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 156, 183). К концу века связи с уездом сохранили Вельяминовы, о службе которых в опричнине сведений нет. Но характерно, что они сохранили (вернули?) свои владения и в других опричных уездах — Малоярославецком и Костромском (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 324 об., 620; Кн. 539. Л. 736 об.; Кн. 210. Л. 1220).
- ¹⁸ К концу XVI в. поместье в уезде получил кн. В. К. Пронский (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 888 об.). Некоторые из его сородичей служили в опричнине, но о нем самом мы почти ничего

не знаем. Новыми помещиками в Вяземском у. в конце XVI в. были кн. В. И. и П. И. Буйгосовы-Ростовские (Там же. Л. 862; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 604—609), которые в состав опричников и «дворовых» не входили и находились в 70-х — начале 80-х гг. на восводстве в Казанском крае. Возвращены они были оттуда уже царем Федором и тогда, очевидно, получили вяземские поместья.

¹⁹ Корещкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI века // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д. 1980. С. 42.

²⁰ До опричнины служили по Можайску и имели здесь владения опричники Р. В. Алферьев, М. А. Безнин и Г. Д. Ловчиков (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816, Л. 1056; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / далее — ТКДТ/. М.; Л., 1950. С. 184, 185), но в конце века эти лица и их родственники в уезде не упоминаются. Это, впрочем, объяснимо. Р. В. Алферьев был зачислен в опричнину не сразу, а М. А. Безнин в 1586 г. (еще до описания 1595—1598 гг.) постригся в монахи. Г. Д. Ловчиков, вероятно, около 1570 г. попал в опалу (о них см.: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 46, 50—52). До опричнины целым гнездом в уезде сидели дворяне Поливановы; виднейший из них — опричник К. Д. Поливанов — служил по Можайску еще в 1577 г. (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 29 об., 33, 59 об., 104 об., 133; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1. С. 96). С конца XVI в. Поливановы в уезде не упоминаются. Возможно, это связано с тем, что бывшие опричники Поливановы, не зачисленные в состав особого «двора», подверглись выселению в результате «переборов людинек» 70-х — начала 80-х гг.

²¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 294—296.

²² Там же. Л. 5. Среди помещиков 1587/88 г. упоминаются князья Г. И. Долгорукий и Н. В. Тюфякин (Л. 4, 70), о службе которых в опричнине нет прямых данных. Не исключено, что они получили поместья уже после опричнины.

²³ В Вяземском и Можайском уездах в конце XVI в. владели землями многие бывшие «дворовые» десяти 70-х гг. — Бельские, Годуновы, Татищевы, кн. Шуйские и др. Возможны, эти уезды входили и в состав «двора», хотя данных на этот счет, а также об испомещении указанных лиц именно в качестве «дворовых», а не опричников у нас нет. Малоярославецкий уезд в состав «дворовых городов» в 70-е гг., по всей вероятности, зачислен не был — здесь нет никого из известных «дворовых», хотя имелось немало видных опричников 60-х гг.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 174.

²⁵ Там же. Кн. 539. Л. 47 об., 109.

²⁶ Там же. Кн. 10815. Л. 53, 248, 911 об., 978, 994, 1005 об., 1016, 1020, 1022, 1139, 1243, 1320 об., 1334 об.; Кн. 10816. Л. 55 об., 65, 187, 228 об., 263.

²⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 835—836, 844—846, 849, 850.

²⁸ Здесь упоминается, в частности, поместье Бакаки Карачарова — дьяка, служившего в 30—50-х гг. XVI в. (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 835; Веселовский и С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 226). В «порожних землях» значится поместье Сидора Плюского, а в Дворовой тетради 50-х гг. по Медвыи записаны его дети (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 835; ТКДТ. С. 207).

²⁹ Фомин Н. К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 94.

³⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 93. Л. 193, 212 об.; Кн. 91. Л. 365 и др.

³¹ Там же. Кн. 93. Л. 31 об., 170, 453.

³² Там же. Кн. 7210. Л. 1176 об.

³³ Ивица Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 125.

³⁴ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3. С. 106—115.

³⁵ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 309—310 (документ обнаружен В. Д. Назаровым).

³⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 509.

³⁷ Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 185.

³⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 11833. Л. 211, 288 об., 397.

³⁹ ТКДТ. С. 162; Шапошников Н. В. «Heraldica»: Исторический сборник. Т. 1. СПб., 1900. С. 30; Боярские списки... Ч. 1. С. 95.

⁴⁰ Садиков П. А. Указ. соч. С. 195.

⁴¹ Известия о землях кн. Даниила и Никиты Одоевских в Лихвинне, а также о выданных ими грамотах лихвинским помещикам и монастырям содержат писцовые книги Лихвинского у. 1626—1627 гг., составители которых черпали сведения о прежнем состоянии землевладения в уезде из приправочных книг 1563/64 г. (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 1044. Л. 198, 215, 291, 292).

⁴² Большая часть этих документов опубликована П. А. Садиковым (Садиков П. А. Указ. соч. № 14, 15, 22, 23, 25, 27, 32, 35, 39, 41, 44, 46, 63, 67, 71, 76, 77, 79, 80, 81). См. также: ГБЛ. ОР. Ф. 303. Кн. 530. Л. 891 об. (земельная Ф. С. Есипова 1569/70 г.); ЦГАДА. Ф. 281. № 14553. Л. 85 об. (духовная И. Г. Нагова 1598 г.); Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 42—43 (грамота Ивана IV 1567 г.); ГПБ. ОР. Ф. 546. Л. 5 и сл. (духовная А. Т. Михалкова 1586/87 г. — на документ впервые обратил внимание В. Б. Кобрин). В описи Ипатьевского монастыря есть известие о конфискации в опричнину костромских вотчин Вельяминовых (Веселовский и С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 173).

⁴³ Садиков П. А. Указ. соч. С. 207, 276, 280 (№ 15, 67, 71).

⁴⁴ Там же. С. 276; ЦГАДА. Ф. 281. № 5114, 5142, 5144; ГПБ. ОР. Собр. Эрм. № 520. Л. 423, 424 об.

⁴⁵ Корецкий В. И. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю // Записки ОР ГБЛ. М., 1959. Вып. 21. С. 204; Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911. С. 12.

⁴⁶ Зимиан А. А. Опричнина... С. 328; Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 349—363.

⁴⁷ ГПБ. ОР. Собр. Эрм. № 520.

⁴⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 209, 210, 10958. В кн. 10958 утрачена лишь небольшая часть описания Шохонской волости.

⁴⁹ Там же. Кн. 209. Л. 255, 262, 379—381; Кн. 210. Л. 805—816, 1005—1009, 1099—1112, 1340 об. 1349, 1546; Кн. 10958. Л. 556—571. В «старых порозжих землях» встречаем имена допричных деятелей Адашевых, а также Шишкиных и Ольговых, выселенных из Костромы в опале еще в 1565 г. Здесь же видим имена дворовых 1550-х гг. — кн. Д. А. Друцкого, А. И. Аксакова, И. И. Збарезского Большого и др.

⁵⁰ Используются материалы фойда Грамоты Коллегии экономии (частично по кн.: Шумков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4), копией книги актов Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ. ОР. Ф. 303. Кн. 532. Л. 826—987), описи Ипатьевского монастыря (см.: Веселовский С. Б. Исследования... С. 181—182), публикации П. А. Садыкова и некоторые другие издания актов. В расчет мы берем и имена упомянутых в актах послухов (как правило, послухами выступали родственники и соседи участников сделок, хотя возможны и исключения. См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России /XV—XVI вв./ М., 1985, С. 15—16).

⁵¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 20. Л. 258—303; Кн. 254. Л. 81—133.

⁵² Например, данные смоленской десятины 1574 г. о костромичах, которые оказались в Смоленске, по всей вероятности, в результате опричных переселений.

⁵³ Адашвы *, Аксаковы, Аксеньевы *. Алапкины, Алмановы *, Алферовы, Аминьсы, Андреевы *, Андреевны *, Аргамаковы, Аристовы, Арсеньевы *, Астафьевы, Бабкины, Базаровы *, Бакины *, Барсуковы *, Баскаковы, Бахоревы *, Бедарсы, Бельгянины *, Бестужевы, Бисковы *, Блудовы *, Богдановы *, Болобановы, Болтипы, Бородины, Бородавнины, Бреневы *, Бритвины *, Буланины, Бурдуковы, Бурсины *, Валутины *, Вахромеевы, Великие, Вельяминовы, Верещатины *, Викентьевы *, кн. Волконские, Володимеровы *, Волоцкие *, Волынцевы, Ворогупины *, Вороновы, Воронцовы *, Вотчины *, Вылковские *, Выродковы, кн. Вяземские, Галибины *, Гасниковы *, Глазуновы *, Говоровы *, Годуновы, Головинны *, Голосовы *, Горбатые *, Горнины *, Гуровы *, Двочюкны, Дедьшины *, кн. Десвы *, Демидовы *, Дмитриевы, Дроздовы, кн. Друцкие, Дуловы *, Душлевы *, Елизаровы, Ельчаниновы *, Енишесы, Ершовы *, Есиновы, Жадовские, Житкого, Жюныны *, Жулебины, Заболоцкие *, Запорожские, Загорского, Захаровы, Зачесломские, кн. Збарзские, Зубатые, Иевлевы *, Истленьевы, Карамышевы *, Карачевы *, Каргашевы *, Карташевы, Карповы, Карповы, Кафтыревы, Кезоминны, Кипенские, Клеметевы *, Кляпиковы, Кожинны *, Коэлины *, Козловские, кн. Козловские, Кокоревы *, Колунтаевы *, Кондратьевы, Коптевы *, Коринны, Коробинны *, Корякины, Кошелевы *, Краснослеповы *, Кренины, Крестниковы *, Кудрявые *, Кудрявцевы, Кузнецовы *, Куломзинны, Кургановские *, Курлаковы *, Куровы *, Купецкие *, Левашины *, Лиевы, Литвиновы, Лихаревы, Лотошинны *, Лыковы, Люткины, Мануйловы *, Марковы *, Масловы *, Матренины *, Матиюнины, Медведевы *, кн. Мезецкие *, Мешковичи *, Минчаковы *, Михалковы, Мокшеевы *, Моложенниковы *, Монасины, Монастыревы *, Морозовы, Мохневые *, Мякинины *, Мятлевы, Нагасвы *, Нагие *, Неверовы, Нелидовы, Нелюбовы *, Немировы, Немцовы, кн. Несвицкие, Нестеровы *, Никитины *, Ноугородские *, Нудоловы *, Обуховы *, Овчины, Огалины, кн. Оленкины *, Ольговы *, Олтуфьевы, Осокины *, Очкасовы, Павловы, кн. Палецкие *, Панины, Пановы, Патрикеевы, Пелелелицкие, Печелеговы *, Писемские, Племяшниковы *, Погожие *, Полевы, Поленовы, Полозовы, Порховские *, кн. Пронские *, Протасовы *, Псковитиновы *, Путиловы *, Пушкины, Пушневые *, Ракитины *, Ратковы, Репеховы *, Рогачевы, Рожновы, Романовы-Юрьевы, Рубцовы, Русалкины *, Сабуровы *, Сарафановы *, Семеновы *, Сергеевы *, Симашкины *, Синего *, Синцовы *, Скобеевы, Скрябины *, Скудины *, Смирновы *, Соболевы *, Соколовы *, Соловцовы *, Сотники *, Степановы *, Стешины *, Суворовы *, Сукины *, Сумороковы, Сурминны, Тарасовские *, Тельцовы, Теневы *, Терпины *, Тетерины *, Тимофеевы *, Тихменевы, Тороповы *, Трофимовы *, кн. Тулузовы *, Туровы *, Тучковы *, Тырговины *, Уваровы *, Ушаковы, Федюцкие, Фоминны, Харамзины *, кн. Хворостинины, Чашниковы, Хохловы *, Чечулинны *, Чихачевы *, Чмутовы *, Чуватовы *, Чуркины *, Шабаршинны *, Шастилские, Шахматовы, Шеленины *, Шелешадамшевы, Шеленковы (Шапелковы), Шереметевы, Шестаковы, Шетневы, Шишеловы *, Шишкины *, Шуваловы, Шустенины *, Шепины, Шетевы, Яковлевы, Якинины *, Ярловы, Ярцевы, Яхонныны *. — Звездочкой помечены фамилии, которые не встречаются в уезде в конце XVI в.

⁵⁴ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. Прилож. С. 415—416.

⁵⁵ В конце XVI в. вотчинами в уезде продолжали владеть представители земских фамилий — Шереметевы и Морозовы (ГПБ. ОР. Собр. Эрм. 520. Л. 472; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 209. Л. 393; Кн. 210. Л. 862—869; Зимиан А. А. Опричнина... С. 328). Но неизвестно, сохранили ли они эти владения в опричнину или же вернули их после ее отмены. В 1708 (1569/70) г. крупную вотчину в Троице-Сергиев монастырь дал кн. Г. А. Куракин (ЦГАДА. Ф. 281. № 5076, 5079). Как будто бы опричнина не посягнула на владение этого знатного земского дворянина. Однако несколько странно здесь то обстоятельство, что с 1565 по 1574/75 г. князь неизменно упоминается на воеводстве

(в «почетной ссылке») в далекой Казани (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. М., 1982. С. 175, 196, 228, 275, 374).

⁶⁶ В годы опричнины из уезда были высланы Г. И. Нагой и дворяне Писемские (ЦГАДА. Ф. 281. № 14553. Л. 85 об.; Садилов П. А. Указ. соч. С. 276). Но члены этих фамилий вошли в опричнину лишь на позднем этапе ее существования. Почему-то не сохранили владений в Костроме представители опричной фамилии Блудовых.

⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 281. № 5142.

⁶⁸ Зимин А. А. Опричнина... С. 319.

⁶⁹ См.: Сухотин Л. М. Указ. соч. С. 1—5, 30.

⁶⁰ Там же. С. 30; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 545. Л. 346.

⁶¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 545. Л. 9, 25, 81, 345, 459об., 478, 484об., 657об. Ср.: Кн. 7785. Л. 13, 45.

⁶² Там же. Кн. 582. Л. 258, 273, 371, 397; Кн. 7785. Л. 190 об.; Боярские списки... Ч. 1. С. 129, 130, 133, 171, 218, 236.

⁶³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 545, 546, 549, 543 и ГИБ. Ф. IV. 529 (подлинник этой книги хранится в ЦГАДА /Ф. 1209. Кн. 550/, но в нем утрачено описание двух крупных станов — Служного и Верховского).

⁶⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 582. Л. 6, 241, 242, 244 и об., 247об., 250, 255, 258, 273, 275, 276 и об., 279об., 282, 287об., 464, 477; Кн. 7785. Л. 47об.

⁶⁵ Там же. Кн. 7785. Л. 166об., 173; Кн. 549. Л. 227—243.

⁶⁶ Там же. Кн. 7785. Л. 48—152; Кн. 549. Л. 601; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века // Труды МГИИИ. 1970. Т. 28. С. 331—332.

⁶⁷ Мордовина С. П. Указ. соч. С. 330.

⁶⁸ Альшиц Д. Н. Указ. соч. С. 20.

⁶⁹ ГИБ. ОР. Ф. IV. 529. Л. 1512 1552, 1568—1599; Лихачев Н. П. Документы о князьях Сицких // ИРГО. СПб., 1909. С. 218.

⁷⁰ ГИБ. ОР. Ф. IV. 529. Л. 1552—1568; Чтения ОИДР. М., 1895. Кн. 1. Отд. 1 С. 6, 12, 15, 17; Сухотин Л. М. Указ. соч. С. 1—5. Очевидно, в опричнину утратили свои вотчины в Ярославле и князья Гагины, Голыгины, Деевы и Щетины. Они значатся как «князья Ярославские» в Дворовой тетради, но не встречаются в ярославских писцовых книгах 1620-х гг. Упомянутые в книгах 1567—1569 гг. кн. П. И. и С. И. Голыгины в конце XVI в. выступают уже как помещики Рязанского у. (Апипологов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С. 17, 37).

⁷¹ ЦГАДА. Ф. 281. № 1839.

⁷² В 1566/67 г. некий кн. Данила Засекин был воеводой в Юрьеве Ливенском (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 226).

⁷³ Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГИИИ. 1961. Т. 16. С. 431; Зимин А. А. Опричнина... С. 318.

⁷⁴ См.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л., Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 155—156.

⁷⁵ ГБЛ. ОР. Ф. 303. Кн. 530. Л. 878.

⁷⁶ ЦКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 546; Зимин А. А. Опричнина... С. 318.

⁷⁷ Скрынников Р. Г. Указ. соч. Прилож. С. 414.

⁷⁸ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 45 и сл.

⁷⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 70.

⁸⁰ Зимин А. А. Опричнина... С. 308. В опричнине упоминается Кличанская волость в северной части уезда (Садилов П. А. Указ. соч. С. 211, № 19).

⁸¹ В книге упомянуты кн. Давид Палецкий (Л. 529), умерший еще в 1558 г., а также кн. Федор и Иван (Иванов дсти Третьякова) Пожарские (Л. 315). Последнее известие о кн. И. И. Пожарском относится к 1565 г. (Садилов Л. М. Князья Пожарские // Летопись ИРО. Вып. 2. З. М., 1906. С. 18).

⁸² Это — Бартеңевы, Бескунниковы, Бехтевы, кн. Бябеевы, Галаховы, кн. Глинские (не имели отношения к знаменитым царским родственникам), Голостеновы, кн. Гундоровы, Давыдовы, Дятловы, Елмановы, Елсуфьевы, Исленьевы, кн. Ихметовы, Казариновы, Кикины, Кобылины, Койсаровы, Коноплевы, Карачинские, Корумолины, Кувшиновы, Новокшеновы, кн. Палцские, Плюшевы, Повадинны, кн. Пожарские, Рясинны, Сатины, Свистуновы, Селищевы, Сулменевы, Сумороковы, Тарпеевы, кн. Фаруковы, Четверговы, Чешковы, Якушкины.

⁸³ См.: Павлов А. П. Указ. соч. С. 109—120.

⁸⁴ Так, Хлоповым и А. В. Шеремединову, как заместил А. А. Зимин, принадлежали в 1577/78 г. поместья в земском Коломенском у. (Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986, С. 39). В земской Рязани в 70—80-х гг. имели владения «дворовые» Бяркины, Дмитриевы, Петровы (Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 165).

⁸⁵ Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 163.

⁸⁶ Боярские списки... Ч. 1. С. 88, 130, 151; Лихачев Н. П. Дело о приезде паиского посла Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 11. СПб., 1903. С. 46; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 610. Л. 69, 125.

⁸⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 258. Л. 306. Впервые эти данные выявлены А. Л. Станиславским, которому удалось обнаружить подлинник грамоты.

⁸⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 11320. Л. 677—977 (начала описания поместных земель не сохрани-

лось). В писцовой книге упомянуты также прежние вотчины кн. М. И. Воротынского (Л. 824об., 827, 901об. и др.). Вероятно, в приправочной книге 1574/75 г. эти владения князя, попавшего в 1573 г. в опалу, значились как «порозжие», оставшиеся за раздачами. Этот факт — еще одно свидетельство «мены» Новосильского удела кн. Воротынского на земли в Стародубе.

⁸⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 426. Л. 192об., 287, 308, 374об.

⁹⁰ Там же. Л. 190, 192об.

⁹¹ Там же. Кн. 425. Л. 602, 605.

⁹² Случаи переселения опричников известны и по материалам писцовой книги 1567—69 гг. земского Ярославского у. (Кн. 582. Л. 473). Никто из опричников (за исключением Р. М., В. М. и Д. М. Пивовых, попавших в опричину позже) в качестве помещиков этого уезда в 1567—1569 гг. не упоминается.

⁹³ Корещик В. И. Земский собор 1575 г... С. 44.

⁹⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 426. Л. 40, 81, 134об., 228, 234об., 279.

⁹⁵ Там же. Ф. 281. № 12556 (Межевая книга вотчин Троице-Сергиева монастыря 1593/94 г.). Л. 42, 114об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 51, 141.

⁹⁶ Шапошников Н. В. Указ. соч. С. 28—44; Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве Министерства юстиции. М., 1891. Кн. 8. С. 145—165; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1299—1537.

⁹⁷ Сметанина С. И. Землевание Рязанского края и опричная земельная политика: Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 20.

⁹⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 375, 377, 379, 380, 425, 429, 439, 472, 507, 509, 514, 524, 530, 546, 582.

⁹⁹ Там же. С. 350, 363, 364, 367, 371, 414, 456, 482, 491.

¹⁰⁰ Известно, что Н. В. Шереметев был казнен еще в 1563/64 г., а род кн. Нагаевых (Лапных) Оболенских пресекается, вероятно, еще в первой половине XVI в. (Власьев Г. А. Потомство Юрика. Т. 1. Ч. II. СПб., 1906. С. 393—394).

¹⁰¹ Это Л. И. и Ю. И.* Аксаковы, кн. И. Д. Бабичев*, С. А. Бартнев, С. В. Безобразов*, З. А. Бестужев*, Ф. И. Бернов*, В. Г. Биркин, И. Б. Блудов*, М. Б. Блудов*, С. Ф. Блудов*, кн. В. И. Болховской, В. Ф. Борисов, И. А. Брехов*, И. И. Бухарин* и сын его Иван*, Г. А. Васильчиков*, Г. Б. Васильчиков*, Н. Б. Васильчиков*, И. Т. Внуков*, кн. А. Р. Волконский*, кн. П. П. Волконский*, кн. Ю. М. Волконский*, З. Н. Волохов, В. Я. Волынский, Я. В. Волынский*, кн. Ф. С. Гагарин*, кн. А. И. Гундоров*, А. Г. Давыдов*, Н. Г. Давыдов*, Н. С. Давыдов*, И. Н. Дубенской*, Ф. Н. Дубенской*, Б. И. Дудин, кн. Г. М. Елецкой, кн. Д. П. Елецкой*, кн. М. В. Елецкой, кн. Н. Г. Елецкой*, И. Ф. Елизаров, А. А. Жеребятичев, А. Ф. Загряжский, В. Ф. Засецкий*, Б. Т. Зачесломский*, И. Т. Зачесломский*, кн. В. Г. Звенигородский, кн. И. И. Барашев Звенигородский*, кн. Ф. А. Звенигородский, И. М. Змеев, Д. Ф. и П. Ф. Ивашкины, И. Ф. Игнатьев, П. Д. Игнатьев*, А. В. Измайлов, В. Я. Измайлов, О. И. Исупов Яковлев, И. И. Карамышев, И. А. Кашкаров*, А. М. Квашнин, кн. И. С. Козловский, Б. Б. Койсаров*, Ф. Ф. Койсаров, А. И. Колотовский, Б. Г. Колычев*, Г. Ф. Колычев*, М. Ф. Колычев, П. Ф. Колычев, кн. Г. И. Коркодинов*, В. Я. Кузьмин Коровяев, М. Г. Кульнев*, О. С. Лашинский, Ю. П. Леонтьев, М. А. Лихарев, Г. П. Ловчиков*, Г. В. и Ф. В. Львовы, кн. Ф. Ф. Мещерский, кн. Ю. Г. Мещерский*, кн. Ю. М. Мещерский, Р. А. Милоков*, Б. Г. Моклоков*, В. С. Козлов-Морозов, кн. И. Ю. Морткин*, А. Н. Мясной, И. Г. Судюков Мясной, И. Т. Большой* и И. Т. Меньшой* Мясоедовы, Г. Я. Мятлев, И. И. Мячков*, Ф. А. Хрулев-Наумов*, И. И. Ордин-Нашокин*, И. Е. Неелов, М. Е. Неелов, В. И. Непейцын*, Е. А. Новосильцев*, И. С. Овцын*, Д. Т. Опанин*, Г. Ф. Андреев Павлов, А. А. Писемский*, И. А. Писемский*, А. В. Плещеев*, А. И. Охотин Плещеев*, Е. Ф. Плещеев*, С. И. Плещеев*, С. Г. Плещеев*, С. Ф. Плещеев*, Смерд Ив. Плещеев*, Я. Р. Охотин Плещеев*, С. Б. Погожий*, И. Д. Подиванов*, К. Д. Подиванов*, кн. В. Р. Принимков-Ростовский*, кн. Н. Б. Принимков-Ростовский, Е. Ю. Протопопов*, И. Е. Протопопов*, И. Ф. Пусторослев, кн. В. Г. Путятин, кн. Н. Д. Путятин, В. Ш. Пушечников*, Ю. Ф. Пушечников*, Г. И. Пушкин, И. И. Бобрищев Пушкин*, М. И. Пушкин*, С. М. Пушкин, Ф. А. Пушкин, Ф. И. Бобрищев Пушкин*, И. К. Ржевский, Н. Г. Ржевский, И. П. Рясин, М. П. Рясин, М. И. Свиблов, И. М. Голова Секирин*, В. А. Селеховский*, П. И. Селеховский*, П. Г. Меньшой Совин*, В. Г. Спасителей*, И. Т. Старого, С. В. Ступишин*, М. Ф. Судимантов*, А. А. Таптыков*, В. А. Таптыков*, П. И. Таптыков*, В. В. Теличев*, Н. М. Тиханов*, Никиф. Матв. Тиханов*, А. Г. Толбузин, Ш. О. Травин, В. М. Урусов, И. А. Фефилятьев, Н. В. Хитрово, Т. И. Хлопов*, кн. Д. В. Хованский*, Ю. М. Чевкин, И. Ш. Чулков*.

¹⁰² Чтения ОИДР. М., 1909. Кн. 3. Отд. 1. С. 104—142.

¹⁰³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 209, 210, 10958, 10959, 10962, 10964, 10965; ГПБ. ОР. Собр. Эрм. № 520.

¹⁰⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 293 и 7481.

¹⁰⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 291—611; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 202, 203, 204.

¹⁰⁶ Веселовский С. Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. М., Л., 1951. Кн. 7. С. 382—383.

